

—И зимнюю, и июньскую сессии второго курса я прошёл благополучно. Четвёрки, правда, были, но пятёрки преобладали.

—Родители мои в 1962 году получили новую трёхкомнатную квартиру в блочной четырехэтажке на Советском проспекте. По площади она была не больше старой, комнаты смежные - распашонкой, но главное - центральное отопление, не надо печки топить. В этой квартире на каникулах я уже не чувствовал себя вполне дома как в моей маленькой комнатухе на Красной.

—В последний раз я приезжал на каникулы в квартиру на Красной скорее всего как раз летом 1962 года, потому что отчётливо помню, как в комнате моих сестрёнок, выходявшей окнами в сад, Любка сообщила мне ужасную новость: отравился Толька Аксенов, их одноклассник, известный в школе спортсмен-пятиборец, его мать работала завхозом в нашей школе. Причины были: ссора с девочкой, которая нравилась; конфликт с классом, который его не понял; а главная - крушение мечты поступить в институт физкультуры, неожиданно обнаружился порок сердца, и врачи запретили ему заниматься спортом. Аксёнов дружил с Витькой Волосовичем, тоже одноклассником Любы, младшим братом моего приятеля Тольки, и придя как-то к нему домой, хватанул дихлорэтану из стоявшего на подоконнике пузырька, потом бросился в ванную, стал глотать воду, но было уже поздно. Умер он в больнице, промучившись несколько дней. Говорят, бормотал перед смертью: - Скорей бы подохнуть!

На лето 1962 года я договорился в комитете комсомола через сокурсника грузина Васо (рыжеватого, с веснушками и голубоглазого самбиста-дружинника), что отработаю в августе в оперотряде, а на июль уехал в Калининград. Там я подбил Свету поехать в августе со мной в Ленинград, где у неё жил какой-то дядя, а в Копорье (за Ораниенбаумом) - бабушка. Света, конечно, с радостью подхватила эту идею и выпросила разрешение своей матери на поездку. Мы поехали вместе поездом, нас провожала моя мама. У дяди Свете остановиться не удалось и пришлось ей уехать в Копорье, так что встречались мы с ней лишь по воскресеньям, и только на конец каникул мне удалось устроить её в общежитие (Васо жил один, а потом куда-то уехал и оставил мне комнату).

Моя работа в оперотряде была вполне детективной. Меня направили в ОБХСС в распоряжение двух сыщиков, которые вели слежку за директором маленького магазина "Трикотаж", занимавшего полуподвальное помещение на Лиговском проспекте в двух примерно трамвайных остановках от Московского вокзала. Директор был крупный вор и махинатор, уже сидевший и снова назначенный на тёплое место. Он был членом мафии, державшей в своих руках ряд трикотажных фабрик и магазинов. Фабрики производили неучтённый товар и реализовывали его в этих магазинах. Директора надо было взять с поличным - в момент получения левого товара. Под контроль был взят каждый шаг директора, начиная с его утреннего выезда на собственном "Москвиче" на работу. Мы разъезжали за ним по городу, каждый день на новой машине, в основном же тёрлись у магазина. Один сидит в машине, двое прогуливаются с разных сторон от дверей магазина. Как-то целый день пришлось просидеть в квартире на улице Достоевского прямо в доме, где жил великий писатель, наблюдали за магазинчиком "Промтовары" напротив, работники которого тоже были в этой шайке. Увы, за время моего участия в борьбе с хищениями социалистической собственности преступники не сделали неосторожных шагов, и при мне их схватить не удалось. Что было потом - не знаю.

В Ленинграде наше времяпровождение со Светой было, конечно, гораздо разнообразнее, чем в Калининграде. Мы ездили в Зеленогорск, Сестрорецк, заходили к Бургвицам, ходили в музеи, на футбол, в театры, в Пушкинском смотрели "На дне", в Ленсовета - "Униженные и оскорбленные", очень понравилась "Сильва" Одесской музыкальной труппы с Михаилом Водяным в роли Бони Канислау. Я познакомил со Светой Славку

Борисова (он раньше всех приехал с каникул), и Света произвела на Славку неотразимое впечатление приготовлением котлет. В тот вечер мы вернулись откуда-то насквозь мокрые...

—Моя мама хорошо относилась к Свете, никаких нареканий по поводу "гулянок" и "болтаний", как во времена моей дружбы с Галкой не возникало, но и особых восторгов Света у неё не вызывала. Люба была к ней благосклонна. Бургвицам Света, по-моему, не понравилась. Похоже, их смущала её столь ранняя дружба со студентом. В наших отношениях с ней бывали ссоры из-за совершенно глупых порой её капризов. Но для её возраста и внешности они были, пожалуй, естественны, и я никогда не считал её вздорной, хоть и часто мучался из-за размолвок по пустякам. В 62-м году ей было уже шестнадцать, она перешла в десятый класс, но предстояло учиться ещё и в одиннадцатом - очередная реформа образования!

Света Косинова в Ленинграде, 1962 г.

Летом этого года она впервые предприняла дурацкие попытки разбудить во мне ревность: кокетливо рассказывала об "очень интересном молодом человеке", который приставал к ней в трамвае. Я злился. Но роковым оказалось письмо, которое я получил однажды уже осенью. Письмо сумбурное, с непонятными признаниями в том, что она с Борей Лукьянцом "втоптала в грязь нашу любовь". Зная Борю как порядочного и доброго малого, я совершенно не мог себе представить, что это всё значит. Но общее впечатление от письма было просто ужасным. Я перед этим зарёкся курить и держался сколько-то дней, а тут закурил по-чёрному. Руки, ноги дрожали. Написал ответ: ничему, мол, этому не верю.

Через какое-то время неожиданно пришло письмо от Светиной мамы, с которой я толком и знаком-то не был. Она просила меня не обращать внимания на то Светино письмо. Похоже было, что она многое знала о наших отношениях, симпатизировала им и пыталась их спасти. Затем пришло покаянное письмо от Светы, в котором она писала, что в предыдущем письме всё выдумала "для проверки моих чувств". Эта-то "проверка" и надорвала наши отношения. Писать друг другу мы стали реже и реже. Не помню, ездил ли я домой в этот раз на зимние каникулы или нет. Возможно, что нет, ибо на третьем курсе учёба у меня пошла плохо, и, наверное, что-то я хотел пересдать - кажется, тройку по

квантовой механике. Во всяком случае я не помню какого-либо разговора со Светой об этом злополучном письме. А почти через год, осенью 1963 года мы разговаривали с ней в последний раз...

— На третьем курсе дела мои с учёбой пошли далеко не так блестяще, мягко говоря, как на первых двух. Система переписывания конспектов "начисто" после лекций стала сдавать сбои. Сложность предметов с переходом от общей физики к теоретической резко возросла, я далеко не всё понимал с ходу - на лекциях, записывал их механически, а сил на то, чтобы потом одновременно разбираться в лекциях и красиво оформлять конспекты, стало не хватать. Мой подход себя явно не оправдывал, но принести в жертву свою каллиграфию я уже не мог, хотя и пытался изменить почерк в сторону скорописи: стал писать прямо, без наклона и разрывов между буквами с тем, чтобы записывать сразу на лекции достаточно разборчиво без последующего переписывания. Но это уже мало помогало, я начинал отставать, если не от основной массы, то от передовиков учёбы во всяком случае.

— Не справляясь с конспектированием, я "изобрёл" такую хитрость: перестал ходить на лекции и решил конспектировать учебники. Сначала я так поступил с математикой, ибо лекции Марь Ивановны Петрашень с её дикцией, действительно, трудно было записывать, например, словосочетания "линейно независимый" и "линейно зависимый" она произносила совершенно одинаково. Потом перестал ходить на ядерную физику, не говоря уж об общественных дисциплинах. В общем, перешёл на режим Мишки Давыдова.

— Что-то случилось и со Славками - Борисовым и Сазановым. Возможно, просто накопилась усталость, и праведный наш образ жизни начал рушиться. В комнате мы стали выпивать, приучали себя к водке, осваивали глупые фокусы: я полоскал зубы водкой перед тем как проглотить её, Славка Борисов хлебал водку ложкой из тарелки, крошив туда же хлеба. Началось моральное разложение, мы впали в угар. Ночами играли в карты, спали потом до обеда, проснувшись, шли в рабочую столовую на Добролюбова и возвращались к водке и картам. Посещали мы только практические занятия, по которым нужно было сдавать зачёты и которые слабо были связаны с теоретическими курсами, а проводились как некое независимое дополнение. Работа над лекционными материалами откладывалась до сессии - мы встали на стезю "сессионных авралов", чреватую тяжёлыми последствиями. С этой-то стези чаще всего и отчисляли за неуспеваемость.

(продолжение следует)